

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-68-225-234>

УДК 821.162.1

ББК 83.3(4)

Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2023 г. Л. Н. Дмитриевская
г. Москва, Россия

ТАДЕУШ РУЖЕВИЧ — ПОЭТ В ДРАМЕ

Аннотация: Польский писатель Тадеуш Ружевич в своих пьесах сближает лирику и драму. Эта особенность его творчества уже отмечалась предшествующими исследователями. В статье поставлена задача понять, каким образом и с какой целью происходит соединение лирики и драмы в пьесах Ружевича «Картотека» (1959), «Смешной старичок» (1965), «Старая дама высиживает» (1968). Поэтические приёмы в драматургии Ружевича разнообразны: конфликт, развивающийся в подсознании героя; внутреннее, скрытое содержание, доминирующее над внешним действием и фабулой; обилие образов-символов, аллюзий, реминисценций, на которых базируется подтекст драмы; частые, а иногда навязчивые повторы, создающие определенный ритм в репликах и т. п. В пьесе «Картотека» средства лирического рода литературы помогают драматургу понять обычного, рядового, опустошенного жизнью человека. Поэтические образы-символы становятся скрепляющей основой для бессюжетных пьес Ружевича. Поэтизация драмы дает драматургу возможность воплотить на сцене внутренний мир человека, сделать более самостоятельным авторский голос и подключить зрителя и читателя к соразмышлению над ключевыми конфликтами и проблемами мира. Пьесы Ружевича считают абсурдистскими, хотя чаще всего в них нет никакого абсурда, просто они построены по законам другого рода литературы — лирического.

Ключевые слова: Тадеуш Ружевич, драма, поэтизация драмы, интертекстуальность, образ-символ, образ-метафора, стихотворная форма.

Информация об авторе: Лидия Николаевна Дмитриевская — доктор филологических наук, доцент, Литературный институт им. А. М. Горького, Тверской б-р, д. 25, 123104 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8074-846X>

E-mail: 1332159@gmail.com

Дата поступления статьи: 25.05.2022

Дата одобрения рецензентами: 01.08.2022

Дата публикации: 28.06.2023

Для цитирования: Дмитриевская Л. Н. Тадеуш Ружевич — поэт в драме // Вестник славянских культур. 2023. Т. 68. С. 225–234.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-68-225-234>

*У берега черного
моря
беседуем с русским поэтом
про поэзию про Гоголя
Шекспира <...>
... о кризисе
лирики драмы романа <...>
(Т. Ружевич «Диалог», 1966) [8, с. 129].*

Тадеуш Ружевич — остается поэтом, даже когда создает прозу и драму. Он внес немалый вклад в размывание границ родов и жанров литературы, считая, что в литературе

*... форма
это то что оказалось
внешним и ненужным
(Т. Ружевич «Аксиома») [6, с. 27].*

«Я бы хотел вернуть людям театр посредством слова. В конце-концов — я поэт» [11, с. 81] — заявляет Ружевич. О том, какие черты поэзии претворены в драмах польского драматурга, уже во многом обозначено в статье Г.Н. Санаевой «Интерграция лирики и драматургии в творчестве Тадеуша Ружевича» [2] и диссертации того же исследователя «Поэтика драматургии Тадеуша Ружевича» [4]. Интересно наблюдение Г. Н. Санаевой за творческим методом работы Ружевича: «...сам автор видит первообраз многих своих пьес в поэзии: “Вышел из дома” появилась как продолжение размышлений, начатых девять лет назад в неопубликованном стихотворении, идея пьесы “Старая женщина высиживает” родилась из стихотворения «Рассказ о старых женщинах». Герой “Картотеки” — это лирический герой множества поэтических произведений польского писателя» [4, с. 7–8]. Дополним наблюдения Г.Н. Санаевой анализом трех пьес: «Картотека» (1959), «Смешной старичок» (1965), «Старая дама высиживает» (1968), — попробуем понять, как происходит соединение двух родов литературы у Ружевича, и что это дает автору.

Влияние поэзии и драмы в творчестве Ружевича было взаимным: некоторые стихи написаны в форме диалога («Диалог» и др.); в них есть образ его собственной драматургии («Кулисы моих пьес»); во внутреннем мире лирического героя обострен конфликт со временем, миром, искусством. Поэзия Ружевича идет навстречу драматургии, а его драма, наоборот, словно желает избавиться от всего традиционно драматургического: разрешение конфликта, внешнее действие. Драма тянется к поэзии, сливается с ней, особенно, когда герои пьес читают стихи самого Ружевича или тождественны лирическому герою его поэзии¹.

Наиболее частотные поэтические приёмы в драмах Ружевича — это конфликт, увиденный в «подсознание» героя; внутреннее, скрытое содержание, доминирующее над внешним действием и фабулой; обилие образов-символов, аллюзий, реминисценций, на которых базируется подтекст драмы; частые, а иногда навязчивые повторы, соз-

¹ Это отмечает и Г. Н. Санаева в статье «Кризис современной культуры в творчестве Тадеуша Ружевича»: «Лирический герой многих стихотворений Ружевича — это личность, угнетаемая ощущением пустоты внутри и вокруг, внешней разобщенности, собственным безволием, невозможностью что-либо изменить. С этим лирическим героем зачастую отождествлены и герои драматических произведений писателя» [3, с. 131].

дающие определенный ритм в репликах и т. п. За счет этого монологи и диалоги в пьесах Ружевича подобны лирическому произведению. Надо оговориться, что Ружевич не новатор в подобной поэтизации драмы: все перечисленное уже было у А.П. Чехова, Л. Андреева, затем у С. Виткевича, С. Беккета и др. Однако в чем-то Ружевич идет дальше своих предшественников, смелее отказываясь от драматургического в пользу лирического и поэтического.

Уже первая пьеса Ружевича, принесшая автору известность в качестве драматурга, «**Картотека**» («Kartoteka», 1958–1959, перевод З. Шаталовой), построена на перечисленных приемах. Особенно стоит отметить роль аллюзий и реминисценций — эта пьеса пронизана явными и скрытыми цитатами из Библии, античной трагедии, Шекспира, Маяковского, Кафки, Беккета и мн. др., включая собственное поэтическое творчество Ружевича². Цитируются фрагменты стихотворений польских поэтов Яна Кохановского, Адама Мицкевича. Но «Картотека» интертекстуальна не только за счет аллюзий и реминисценций — мы найдем в ней многие виды мимесиса (др.-греч. μίμησις — подражание): парафраз, перифразу, стилизацию и др. К пьесе С. Выспяньского «Свадьба» отсылают образы сна, выведенные на сцену; к драматургии Виткевича — алогичность фразы, абсурдные монологи, метафоричность; с произведениями В. Гомбровича пьесу связывают героини-маски вместо героев-характеров, молчаливый герой, с которым «можно позволять себе все, что угодно»³.

Герой «Картотеки» на протяжении всей пьесы, как Обломов в первой части романа И. А. Гончарова, не встает с кровати: то дремлет, то бодрствует, а в комнате мимо него протекает жизнь: «*В открытые двери торопливо или медленно входят и выходят разные люди. Иногда слышны обрывки разговоров. Кто-то останавливается, кто-то читает газеты. Создается впечатление, будто комнату героя пересекает улица. Кое-кто из прохожих с минуту прислушивается к разговорам в комнате героя, иногда вставляет реплику, затем идет дальше*» (начальная ремарка к пьесе) [7, с. 75]. Кто из этих прохожих реален, а кто — сон, видение Героя, понять можно не всегда. Сны, видения и привидения традиционны для польской драмы: «Дзяды» А. Мицкевича, «Кодиан» Ю. Словацкого, «Небожественная комедия» И. Красинского, «Свадьба» С. Выспяньского и др.

В «Картотеке» есть Хор старцев, как и в древнегреческой трагедии и комедии, он в стихотворной форме комментирует происходящее, переживает о развитии, а в данном случае неразвитии действия:

Хор старцев.

*Но даже в пьесах у Беккета
Герои движутся, болтают,
Кого то ждут, клянут, страдают,
Смердят, мечтают, погибают...
А ты, как пень, как кочерыжка,
Вставай, не то театру крышка! [7, с. 92].*

Исследователь драматургии Ружевича Г.Н. Санаева так поясняет отсутствие внешнего действия в пьесе: «*Основу модели «внутренней» драматургии составляет, по мысли Ружевича, сознательный отказ от движения событий в пользу созерцательности и наблюдения: сущность такого театра должно составлять отсутствие выра-*

² Хор Старцев цитирует стихотворение Ружевича «Уговоры» (сборник «Разговор с принцем» («Rozmowa z księciem», 1960) — опубликован в один год с «Картотекой»).

³ Гомбрович В. «Ивонна, принцесса бургундская» (пер. Леонард Бухов).

женного действия и молчание. Внешне в пьесе ничего не происходит, конфликт смещен в философско-психологическую сферу. Разрыв между действием и бездействием автор заполняет паузой и молчанием, которые следует уловить за слоем разностилевых нагромождений и произвольных, на первый взгляд, цитаций» [4, с. 7]. Отсутствие действия, смещение конфликта в философско-психологическую сферу — это тоже путь к поэтизации драмы. Однако кроме стихотворного размера и рифмы ничего поэтического в пении Хора старцев нет — содержание по сути «прозаично», и сам язык — просторечный. Зато по форме прозаические монологи самого Героя — вполне лиричные, образные, рассчитанные на ассоциативное восприятие читателем. Например, в одной из реплик, по форме прозаической, в образах и общей тональности есть лиричность, а навязчивые повторы подобны цезуре в стихе и создают ритм (таких примеров можно привести немало): «Герой. <...> Я хотел бы иметь свою яблоньку с ветками, листьями, цветочками, яблоками... Я уже так давно не сидел в тени. Яблоко покрыто прозрачной пленочкой воска, отпечатки пальцев на таком очень четко видны. Яблоки висят на ветках. Ждут моей руки. Как девушки...» [7, с. 83]. Яблоко — один из часто повторяющихся библейских образов-символов в пьесе «Картотека» и сквозной во всем творчестве Тадеуша Ружевича. В финале Герой спрашивает журналиста: «А может, вы его съели? Яблоко с дерева познания добра и зла...» [7, с. 103]. Но его, как и в книге «Бытие», съела женщина, Секретарша, пока Герой спал.

Уже в первой своей пьесе «Картотека» Т. Ружевич строит действие не для разрешения конфликта, а для постижения образа главного героя. Старец III из хора говорит: «Время-то вроде бы и великое, люди вот только мелковаты» [7, с. 81]. Почему это так, и чем опасен современный тип «маленького» или «лишнего» человека⁴, Обломова? Средства лирического рода литературы помогают драматургу понять обычного, рядового, опустошенного жизнью человека, ведь все проблемы, конфликты в мире порождает или равнодушно допускает человек, затем сам становится их безвольной жертвой. Вот финальный диалог — у Героя берут интервью:

Журналист. Если я не ошибаюсь, вы — простой человек?

Герой. Да.

Журналист. Вы знаете, что в ваших руках находятся судьбы мира?

Герой. До некоторой степени.

Журналист. Что вы намерены сделать, чтобы сохранить мир во всем мире?

Герой. Не знаю.

Журналист. Отдаете ли вы себе отчет в том, что, если начнется водородная война, человечество погибнет?

Герой (почти весело). Разумеется, разумеется.

Журналист. И что же вы делаете, чтобы не допустить этого?

Герой (смеется). Ничего [7, с. 104].

Герои Чехова еще надеялись, что через сто, двести лет жизнь будет лучше, или кончали жизнь самоубийством от неразрешимых вопросов. А герои драмы второй половины XX в. не способны даже переживать о мировых конфликтах — они просто смеются в ответ на вопросы о гибели человечества. В репликах Героя «Картотеки»

⁴ Именно так, более универсально, типологически, может восприниматься Герой сегодня, хотя во время написания пьесы (1959) и ее первых постановок в 1960-е он был представителем поколения «конкистадоров», к которому относится и сам Ружевич: это те, чья молодость прошла на Второй мировой войне. «ГЕРОЙ. <...> Братья мои, мое поколение! Я к вам обращаюсь. Нас не могут понять ни молодые, ни старые! <...>» [7, с. 93].

предстает трагедия современного человека, у которого нет даже шанса обрести волю к жизни: в детстве ее подавляют родители (см. начало пьесы), а затем *«главы правительств и штабов позволили мне лежать и смотреть в потолок»* [7, с. 78].

Пьеса **«Смешной старичок** (комедия в 2-х картинах)» (*«Śmieszny staruszek»*), 1965, пер. Ю. Лоттина) представляет собой длинный монолог, исповедь перед манекеном — судьей, но не Высшим, а по должности. Реплики манекенов — судьи, двух ассистентов и адвоката — опущены, но при этом автор в послесловии подчеркивает, что пьеса вовсе не монолог — здесь есть действие и игра актеров: в перерывах играют дети, есть два живых актера во второй картине. Пьеса повествовательная, т. е. эпическое здесь доминирует над драматическим, рассказ — над действием, но в пьесе ощутима и лирическая составляющая, свойственная исповеди, даже если она произносится в зале суда. В рассказ Старичка вплетаются аллюзии с оттенком авторской иронии; чужая речь: голоса радио, детей, судьи и др.; повторы детского четверостишия; повторяющиеся образы, метафоры, символы (суд, исповедь, куклы-манекены, Наполеон, женщина, ребенок, лоно, брюхо и др.). Ключевой и многозначный образ — ребенок, девочка. Это далеко не светлый образ в пьесе: дети злы, эгоистичны, мстительны, из них вырастают взрослые — манекены, но все-таки лишь дети тут живые, помимо самого Старичка, лица которого зритель не видит до конца пьесы. Дети и куклы — это не только словесные, но и зримые образы на сцене (Ремарка: *«Во время представления (но только после перерыва), на сцене играют дети. <...> Одна из девушек ходит по сцене с детской коляской, в которой спит кукла. Это ее “доченька”*» [9]). В судьбе-манекене Старичок видит женщину и девочку, чем оживляет ее: во втором акте судья уже не манекен, а тоже живая женщина.

Реплики Старичка в «Прологе или эпилоге» (в комнате без окон) разделены на строки, как в стихотворении. В этих репликах сконцентрированы навязчивые страхи героя — главный из них, что детей и людей становится слишком много:

Старичок:

Уже и так слишком тесно.
Или Господь того не видит?
Только желтолицых в этом году прибавилось 12 миллионов.
Или Господь этого не слышит?
Они съели все запасы продовольствия.
В этом году на нашей планете родилось 65 млн. людей,
а в течение 35 следующих лет количество жителей нашей планеты удвоится.
Мне соседка сказала,
что раскуплены все макароны и матрацы,
золото и сигареты,
гробы и холодильники.
И никто умирать не спешит... [9].

и т. д. — монолог о перенаселении достаточно большой. Реплики Старичка, «прозаические» по содержанию, в сниженном разговорно-просторечном стиле, драматург делит на короткие строки и таким образом переключает читателя (но не зрителя) на иное восприятие: стихотворный текст предполагает большую сжатость смысла и метонимичность, настраивает внимательнее всматриваться во внутреннюю форму слова (А.А. Потебня [1]) и не ждать однозначной трактовки. Процитированный монолог Старичка отсылает к лирике Ружевича, например, к стихотворению «Зеленая роза» (1959–1960).

Пьеса «**Старая дама высиживает**» («*Stara kobieta wysiaduje*», 1968, пер. Ю. Лоттин), как и «Картотека», богата метафорами, образами-символами (многослойная одежда Старой⁵ дамы, лоно, брюхо и беременность, дети, а также грязь, мусор, свалка, образы еды, кровь и мн. др.); аллюзиями и реминисценциями из Достоевского, Чехова, Ницше, Голдинга. Есть и автоцитата: юноша читает стихотворение Ружевича «Они» из сборника «Красная перчатка» (1948). В пьесе частотны повторы реплик и повторы в репликах, включение множества стихотворных строк. Все это поэтические средства художественного анализа мира, когда сложные вопросы человеческого бытия, включая политику, экономику, экологию и пр., не раскрываются в развитии конфликта, а переживаются героями-масками, за которыми звучит голос автора.

В трех рассматриваемых пьесах есть один и тот же образ в разных видах — лоно, живот, брюхо. От «Картотеки» 1959 г. к пьесе «Старая дама высиживает» 1968 г. этот образ становится все более емким по входящим в него смыслам, он из художественной детали, метафоры дорастает до образа-символа.

В «Картотеке» Секретарша, взяв яблоко и не соблазнив им Героя, потому что он опять уснул, размышляет: *«Мужчины совсем как дети. Все стремятся куда-то, а достигнут цели, — терзаются. Торопятся, убивают. В них бы никогда не созрел плод. Они рассеянны. Ни одному не выносить плода девять месяцев. Как хорошо, что именно мы носим в себе и рожаем жизнь... Они прирожденные абстракционисты. В этом — смерть. (Садится на кровать, улыбается, откусывает яблоко)»* [7, с. 102].

Мужской страх перед женским лоном в пьесе «Смешной старичок» проецируется на природу. Финальный монолог Старичка состоит из потока образов, расширяющих ассоциативный круг образа лона:

Нет.

Нет, не затащите меня ни в какое лоно (лоно природы — Л. Д.).

Ведь вы даже не знаете, что это такое — лоно.

Брюхо.

Это страшная вещь — брюхо, брюшище...

Жизнь. Житие.

В брюхе урчит, клокочет;

брюхо и головка — студенческая поговорка.

На брюхе возлежать...

Брюхом кверху лежать.

Брюхо как чемодан —

за брюхом носа не видать.

Здравствуй, брюшко,

процайте соблазны —

вздутый желудок,

бездонное брюхо обжоры.

Без головы жить можно, без брюха — нет.

Беременность, бремя... Тяжесть...

Женщина беременная, с животом,

забеременела...

Так и ходит с ним,

вынашивает! [9].

⁵ Старики — сквозной образ в творчестве Т. Ружевича — они «соль земли», «мировое яйцо» (стихотворение «История о старухах»). В трех рассматриваемых пьесах образ старого человека ключевой: в двух из них он главный герой, а в «Картотеке» Хор старцев, как Некто в сером у Л. Андреева в пьесе «Жизнь человека», сопровождает Героя на протяжении всей пьесы.

Этот, казалось бы, бред Старичка имеет скрытую логику: связь земного плодородия, еды и плодородия женщины лежит в основе большинства земледельческих обрядов, в которых с помощью ритуальной пищи и ритуальных действий передают матери-земле плодотворящую силу. Старичок, мужчина, боится этого плодородия, потому что «уже и так слишком тесно», планета перенаселена (см. цитату выше).

В следующей пьесе образ лона станет центральным: «В пьесе «Старая женщина высиживает» человеческое тело и физиология выступают как всеобъемлющая метафора с одной стороны — плодородия и быта, с другой — ящика Пандоры, источника всех несчастий» [4, с. 13]. В начале пьесы (все действие которой происходит в кафе) Старая женщина заявляет: «Хочу иметь ребенка», и призывает: «Нужно рожать. Кто только может, должен рожать. Беременность — это самое естественное состояние женщины» [10]. Затем следует большой монолог о лоне, который начинается в прозе, а затем переходит на стихотворную форму:

...Брюхо, лono. Брюхо вещь замечательная, но воспринимается всеми как приемыш, как-то по-сиротски. А ведь это вещь великолепная, огромная...

<...>

*груды копий штыков и кинжалов
этот металл наполняет всю вашу утробу мужчины
наше же бедное лono
вмещает
плоть всех творений
далеких и близких
новые свойства детей нерожденных
наше бедное лono
как жернова
в них — белых стихов округленные формы
мягкие теплые булки
младенцы из пенистых сливок*

*лono людское
должно облекаться в доспехи
международное право
обязано верно его охранять
от ударов любых
и справа и слева
и сверху и снизу
все человечество — женское чрево*

<...>

*тем временем
все направленья ракетных ударов
а также иных порождений военных
устремлены
в беззащитный
ласковый белый покорно-открытый
женский живот —
вечное лono
матери нашей
земли [10].*

Этот монолог Старой дамы — законченное стихотворение, в котором последовательно идет развитие образа женского, материнского, всеобъемлющего и страдающего земного лона. Здесь Ружевич выступает не только как драматург, но и как поэт, который

партизаном прошел Вторую мировую войну, «widziałem / furgony porabanych ludzi» [8, с. 24] («видел: / фургоны изрубленных людей»), «ocalalem / prowadzony na rzez» [8, с. 24] («уцелел, / отправленный на бойню»)⁶. Польского поэта и драматурга в середине XX в. волнуют проблемы, обострившиеся в XXI в.: перенаселение, поощряемое государствами размножение, массовое потребление материальных благ и природных ресурсов, загрязнение планеты, войны и пр.

ГОСПОДИН. Ну, что Кирилл, человечество опять на грани?
КИРИЛЛ. К сожалению, господин меценат. На грани... <...>
ГОСПОДИН. <...> пару годиков прошло и опять на грани... [10].

Пьесы Ружевича считают абсурдистскими, хотя чаще всего в них нет никакого абсурда, просто содержание строится по законам другого рода литературы — лирического. И не удивительно, что многие драматурги, которых называют абсурдистами, были поэтами: А. Введенский, Д. Хармс, Э. Ионеско, С. Беккет, Т. Ружевич и др. А некоторые из таких драматургов были художниками: Л. Андреев, С. Высяньский, С. Виткевич, С. Мрожек, — но это уже другая тема исследования. Сам Ружевич в интервью и публицистических высказываниях⁷ тоже отрицал свою причастность к театру абсурда — он считал себя реалистом, вероятно, в том смысле, что реалистично смотрит на мир, где «Бог умер» и никому нет до этого дела, поэтому катастрофа неизбежна. Прообраз грядущих катастроф мы и видим в драмах Ружевича середины XX века. В.А. Хорев в книге «Польская литература XX века. 1890–1990», обзорно знакомя читателя с драматургией второй половины XX века, тоже посчитал нужным указать на поэтичность и особую реалистичность пьес Ружевича: «*Ружевич неоднократно называл свою драму «реалистической и поэтической». Реалистичность означает для него не подражание жизни, а раскрытие существенных ее проблем на основе конкретной ситуации, действительной или же сконструированной. Поэтичность же порождает столкновение и взаимопроникновение образных картин, рисующих ту или иную ситуацию, технику коллажа, которая предполагает ограничение фабулы, интриги, перипетий действия, присущих традиционной реалистической драме»* [5, с. 232].

Что дает автору поэтизация драмы?

- 1 Возможность проявить на сцене внутренний мир человека, его страхи, сны, экзистенциальный конфликт с миром.
- 2 Возможность включить читателя и зрителя в соразмышление с автором, разрушить пассивное наблюдение за происходящим на сцене.
- 3 Прежде всего, это «освобождает» авторский голос: читатель и зритель видит за героями, образами, символами, аллюзиями — самого автора. И если в «Картотеке» и «Смешном старике» главные герои еще сохраняют свою жизненность, и только второстепенные стали масками и манекенами, то в пьесе «Старая дама высиживает» все герои — авторские марионетки, они метафоры, образы образов и образы идей. В своих пьесах поэт Ружевич не хочет быть «невидимым» за действием героев-характеров и не упрощает мир до четко формулируемых и разрешаемых конфликтов — он напрямую говорит с читателем и зрителем о самых сложных проблемах бытия.

⁶ Строки из стихотворения Тадеуша Ружевича «Уцелевший» («Ocalony»). Перевод наш.

⁷ См., например: T. Różewicz: *Fragmenty wypowiedzi... (15 grudnia 1990 r. na University of Warwick)*. Wrocław 2010, s. 281–284.

Список литературы

Исследования

- 1 *Потебня А. А.* Мысль и язык. М.: Лабиринт, 2007. 256 с.
- 2 *Санаева Г. Н.* Интерграция лирики и драматургии в творчестве Тадеуша Ружевича // Шевченківська весна. 2006. Вып. IV. Ч. 1. С. 412–414.
- 3 *Санаева Г. Н.* Кризис современной культуры в творчестве Тадеуша Ружевича // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 27 (165). Серия: Филология. Искусствоведение. Вып. 34. С. 131–134.
- 4 *Санаева Г. Н.* Поэтика драматургии Тадеуша Ружевича: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 24 с.
- 5 *Хорев В. А.* Польская литература XX века. 1890–1990. М.: Индрик, 2009. 352 с.

Источники

- 1 Из века в век. Польская поэзия. М.: Международное Агентство Гуманитарных Инициатив, 2011. 784 с.
- 2 *Ружевич Т.* Картотека // *Ружевич Т.* Избранное. М.: Худож. лит., 1979. С. 75–104.
- 3 *Ружевич Т.* Они пришли увидеть поэта. М.: Летний сад; GAJT Wydawnictwo, 2011. 324 с.
- 4 *Ружевич Т.* Смешной старичок // Лоттин Юрий: Пьесы (переводы и инсценировка). URL: http://samlib.ru/l/lottin_j/06.shtml (дата обращения: 25.05.2022).
- 5 *Ружевич Т.* Старая дама высиживает // Лоттин Юрий: Пьесы (переводы и инсценировка). URL: http://samlib.ru/l/lottin_j/09.shtml (дата обращения: 25.05.2022).
- 6 *Rożewicz T.* Od tego się zaczyna // Dialog: miesięcznik Związku Literatów Polskich. T. 33. № 1. P. 79–83.

© 2023. Lidia N. Dmitrievskaya
Moscow, Russia

TADEUSZ ROZEWICZ — THE POET IN DRAMA

Abstract: The Polish writer Tadeusz Różewicz brings together lyrics and drama in his plays. This feature of his work has already been noted by previous researchers. The paper sets the task of understanding how and for what purpose the combination of lyrics and drama occurs in Różewicz's plays “The card-index” (1959), “Funny old man” (1965), “An Old Woman Hatches” (1968). The methods of the poetic in Różewicz's dramaturgy are diverse: the conflict, taken into the subconscious of the hero; internal, hidden content that dominates the external action and plot; the abundance of images-symbols, allusions, reminiscences, on which the subtext of the drama is based; frequent and sometimes obsessive repetitions that create a certain rhythm in the lines, etc. In the play “Card File”, the means of a lyrical kind of literature help the playwright to understand an ordinary, average, devastated person. Poetic images-symbols become the basis for Różewicz's plotless plays. The poeticization of drama gives the playwright the opportunity to bring inner world of a person to the stage, make the author's voice more independent and connect the viewer and reader to reflection on the key conflicts and

problems of the world. Różewicz's plays are considered absurd, although most often there is no case of absurdity, since they are built according to the laws of the lyrical kind of literature.

Keywords: Tadeusz Różewicz, Drama, Poeticisation of Drama, Intertextuality, Image-symbol, Image-metaphor, Poetic Form.

Information about the author: Lidia N. Dmitrievskaya — DSc in Philology, Associate Professor, Maksim Gorky Institute of Literature and Creative Writing, 25, Tverskoy Blvd., 123104 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8074-846X>

E-mail: 1332159@gmail.com

Received: May 23, 2022

Approved after reviewing: September 1, 2022

Date of publication: June 28, 2023

For citation: Dmitrievskaya, L. N. “Tadeusz Różewicz — the Poet in Drama.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 68, 2023, pp. 225–234. (In Russ.)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-68-225-234>

References

- 1 Potebnya, A. A. *Mysl' i yazyk [Thought and Language]*. Moscow, Labyrinth Publ., 2007. 256 p. (In Russ.)
- 2 Sanaeva, G. N. “Intergratsiia liriki i dramaturgii v tvorchestve Tadeusha Ruzhevicha” [“Integration of Lyrics and Dramaturgy in the Work of Tadeusz Ruzewicz”]. *Shevchenkivs'ka vesna*. 2006, issue IV, part 1, pp. 412–414. (In Russ.)
- 3 Sanaeva, G. N. “Krizis sovremennoï kul'tury v tvorchestve Tadeusha Ruzhevicha” [“The Crisis of Modern Culture in the Work of Tadeusz Ruzewicz”]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 27 (165), 2009, Series: Filologiya. *Iskusstvovedenie [Philology. Art History]*, issue 34. pp. 131–134. (In Russ.)
- 4 Sanaeva, G. N. *Poetika dramaturgii Tadeusha Ruzhevicha [Poetics of Dramaturgy by Tadeusz Ruzewicz: PhD Thesis Summary]*. Moscow, 2009. 24 p. (In Russ.)
- 5 Khorev, V. A. *Pol'skaia literatura XX veka. 1890–1990 [Polish Literature of the 20th Century. 1890–1990]*. Moscow, Indrik Publ., 2009. 352 p. (In Russ.)